

Глава I.

Старый мир в сравнении с новым, старые и новые портные. Одежда и питание наших праотцев

Хорошая одежда — вышитая приманка гордости, а хорошее расположение духа — все равно что синеголовник для обжорства. Изящные спины и толстые животы — лошади в упряжке кареты, на ступеньках которой примостились, как камеристки, два из семи смертных грехов — Похоть и Лень. Поистине отчаянна участь портных и поваров — по самому характеру своего ремесла они сводники для этих грехов. Одни изобретают моды, более фантастические, чем то, что Франция носила с того дня, когда были заложен ее первый камень, другие — эпикурейские блюда, лакомее, чем те, которые подавали Галлонию. Думаете, человек пришел в мир, всего лишь чтобы всю жизнь искать дублеты из китового уса на Берчин-лейн или ради пирогов из соловьиных языков на кухне Гелиогабала? Нет, нет, самая первая одежда смертного человека была не из лавки текстильщика и не из склада торговца: тогда счет от Адама приняли бы с большей охотой, чем сейчас от рыцаря, только не стояло его имени ни в чьих долговых книгах за покупку атласа и бархата. У шелковичных червей в то время были другие дела, кроме как ставить станки и ткать. Штаны стоили Адаму еще меньше, чем королю Стефану (которому они обошлись в один нобль), да и его выходной дублет и панталоны были всего лишь из фиговых листьев, и лучшее платье Евы — из той же ткани. В этом городе есть один антиквар, у которого выставлено немного порошка, оставшегося от этих листьев. Тогда не было двенадцати ливрейных компаний портных с таким гильдейским залом, что побольше голландской деревни — скорее зал у них был размером с лавку голландского мясника. И уж конечно, они не сбивали с ног клиентов длиной счетов. Адам бы и яблочной кожуры не дал за плохо подшитую одежду. Не было еще ни испанских свободных курток, ни широких шкиперских штанов, ни швейцарских гульфиков с буфами, ни голландских рукавов, висящих сзади, как валлийские мешки, ни итальянских брюк в обтяжку, ни французских стоячих воротников, ни тройных-четверных дедаловских плоеных фрез, да и жесткие рабаты, в которых шею не повернешь, а кружевных арок больше, чем в пяти лондонских мостах, еще не делались — и неудивительно: некому было подписать патент на производство крахмала. «Модой» тогда называлась болезнь, от которой лошади мрут — а теперь глупцы ее считают редким лекарством, и живут им первейшие золотые ослы.

Что касается диеты этого Сатурнова века, как и одежда, была она непритязательна. Салатом да густой луковой похлебкой довольствовались те, кто был повыше нынешних султанов. Пироги с картошкой и заварной крем были уже греховным пригородом кулинарии, но не ограждались, как сейчас, стеной высотой с ладонь. Не было тогда ни «Кинжала», ни «Стула». В те скудные дни в ординарии Крукса не было и куриной ноги, чтобы в собаку кинуть. О прекрасный золотой мир! Подозрительный венецианец не рвал мясо серебряной вилкой, англичанин-сладкоежка не менял по дюжине блюд за еду — Петр Пахарь накрывал на стол, а Простота уносила объедки. Как же странно изменился мир! И неудивительно: раз он лежал больной почти пять тысяч лет, мир стал похож на прежний *théâtre du monde* не более, чем «Парижский сад» — на сады французского короля в Париже.

Каким превосходным мастером был бы тот, кто смог бы создать новый Глобус мира, не так, как это делает Молино, с круглым гладким лицом, отполированным и отмытым яичными белками — нет, сделать его *in plano*, таким, как он был раньше, со всеми его древними кругами, линиями, параллелями и фигурами, представляющими собой все морщины, трещины, расщелины и разломы мира. Как родинка на щеке Елены, *cos amoris*, они появились во время первого творения, и делали мир прекрасным. Теперь же эти борозды замазали свинцовыми белилами и киноварью — и все равно он кажется уродливее. Да полно вам, мир был бы лысым, если бы не носил парик. Тело его смердит, как ружье для охоты на птиц от перегрева, дыхание вонючее, как у служанок, что постоянно едят сладости. И хотя очистить его — дело более трудное, чем прочищать Авгиевы конюшни или Мурдитч, все же *Ille ego qui quondam*; я, сумасшедший пасквилянт, сделаю это.

Подойдите же ближе, все кто ходит в обуви с простыми подошвами и хочет водиться только с простецами и сыновьями полноправных граждан, доставайте ваши восковые таблички, ловите ушами музыку наших наставлений, как будто уши ваши прибиты к позорному столбу. Пусть это слово «лох» в названии нашей книги не отпугивает вас от занятий в нашей школе — смотрите, по какой красивой лестнице вам нужно будет забираться. Сколько достойных мужей, славных своей ученостью, во всех профессиях, от сборщиков мусора и выше, принадлежали в Лондоне к древнему семейству Напыщенных Умников! А теперь их считают дураками и младшенькими в семье. Надо в этом деле разобраться, иначе со временем (о

несчастное время, когда песочные часы придется перевернуть!) любой сын богача только еще проклянется из скорлупы юности, как его сразу начнут умолять, чтобы он отвел им земель в нарушение закона, или осадят, как водится, вымогатели, или в кошелек к нему залезут скупщики краденого или аферисты. Чтобы изгнать из сердца эту пагубную инфекцию, вот вам лекарство более сильное и драгоценное, чем смесь, которую варил себе Митридат. Не бойтесь его попробовать, оно пьется много легче, чем горячий напиток. Не подвергайте его честное имя сомнению — перед этим лекарством и древность снимет шляпу и произнесет речь в похвалу его достоинств. Рецепт подписан всеми, кому приходилось иметь дело с простаками, в чем они и расписываются этим молю проеденным девизом “*probatum est*”. А ваш *diacatholicon aureum*, что грозит, подобно пороху, взорвать все болезни на своем пути, воняет страшнее, чем асафетида. Поэтому вы, чьи тела переполнены гнилыми гуморами иллюзий нынешнего века или обожжены воспламенением новых мод, если хотите от этого очиститься, чтобы показать, как вам отвратителен этот оскверненный и запаршивевший мир, — станьте Тимонистами, которым нет дела до людей и их манер. Обещайте мне, что выпьете большой глоток наших безыскусных советов: чаша полна, и она такая большая, что я смело пью из нее за здоровье всех проходящих.

Глава II.

Как юному моднику не только сохранить свою одежду (для ломбарда), но и сэкономить на лекарствах, и другие утренние правила. Похвала сну и обнаженности

Все это пока был только пролог, вступительная пантомима, теперь начинается наша «старая комедия». Вы, что хотите стать в ней актерами, знайте: самая лучшая обстановка для первого вашего выхода, по моему авторитетному мнению — мягчайшая и огромная пуховая постель. Если вы послушаетесь совета вашей подушки, то не встанете с нее, пока как минимум полдень не пробьет. Спите, во имя Морфея, сколько влезет, или точнее, пока в животе не заурчит от пустоты. Не обращайтесь внимания на глупые рифмованные стишки Салернской школы, которые, как на нравоучительном полотне, говорят вам:

Sit brevis, aut nullus, tibi somnus meridianus.

Короток сон в обед,
А лучше, коль сна и нет.

Аж приторно от такого совета! Но под слоем сахара — крысиный яд. Никогда не доверяйте ни единому Бакалавру искусств — о вашем здоровье говорит он красиво, но хочет украсть самое лучшее, что в нем есть. Салерно находится в пышной Неаполитанской провинции, а кто не знает неаполитанца? Он, как Деррик-палач, одной рукой вас обнимет, а другой кишки вырвет. Если неаполитанец приветствует вас поцелуем, у него каждый волос в усах — как кинжал в щеку. Раб, чтобы отомстить врагу, выпьет пинту яда, только чтобы увериться, что другой примет хотя бы половину остатка. Так что может быть, стихи эти и были написаны, чтобы уничтожить все человечество из-за какой-то тайной обиды. Знаю я, что одни лишь врачи защищают эту идею, яростно нападая на древний благородный и почтенный обычай долго лежать в постели. Хотя если подумать, то не стоит их обвинять: те, кому не хватает сна — природного отдыха для людей — становятся идиотами или попадают в руки к докторам, а потом, следовательно, и к Богу. Тому же, кто всю себе храпит, плевать — пусть хоть Гиппократ заглядывает ему в урыльник. Так он хоть один глот на лекарствах сэкономит, и будет счастлив, потому что лекарства — *non minus venefica quam benefica*: на каждую драхму меда в них унция желчи. Десять Тайбернов не угробят человека так быстро, как один изготовитель слабительного: сама суть их врачебной практики — не что иное, как *ars homicidiorum*, искусство заставлять пациентов быстро отбросить коньки, до такой степени, что ворчащему больному больше опасности от господина Доктора и его лекарств, чем от всех пушечных залпов, что отчаявшаяся болезнь дает по его организму. Так что гоните докторов, пусть идут от вас прочь, как итальянские шарлатаны, не ломайте мозги, пытаюсь понять их неуклюжую латинско-греческую белиберду. Пусть бубнят вам в уши, как софисты, высмеивают пуховые перины, срывают с людей теплые одеяла — вы же не просыпайтесь ранее предписанного здесь часа.

Вы только подумайте, какая прекрасная вещь — сон! Это такая неоценимая драгоценность, что за час сна и тиран бы отдал свою корону, да кто же ее купит? Сон так привлекателен, что даже если лечь с императрицей в постель, сердце не успокоится, пока человек не разожмет объятия и не останется наедине со сном. Столь многим обязаны мы этому родственнику смерти, что отдаем ему половину

жизни. И есть тому причина, ибо сон — та золотая цепь, что связывает здоровье и тело воедино. Во сне кто станет жаловаться на нужду, раны, заботы, обиды от сильных мира сего или неволю? В постели у нищего столько же удовольствий, сколько у короля. Так можем ли мы пресытиться этой нежной амброзией? Можем ли выпить ее слишком много, если знаем, что выпьем мало — и кубарем покажемся на кладбище, а равнодушие к ней приводит в Бедлам. Нет, нет! Посмотрите на Эндимиона, любовника Луны — он проспал семьдесят пять лет и ничуть не пострадал! Так может ли быть, что пролежав в постели до полудня — а это меньше чем одна семидесятипятилетняя от его сна — мы повредим своему здоровью?

Кроме того, все философы и врачи сходятся во мнении, что телам нашим утренний воздух вреден — до тех пор, пока солнце своими пламенными крылами не разгонит туман и не очистит густой табачный дух, которым катаральная ночь хочет погасить зрак природы. Этот труд, без сомнения, не будет завершен, пока кони солнечной колесницы не встанут на дыбы в самой высокой точке полудня — вот и получается, что это самый здоровый час, чтобы начать шевелиться — и не ранее. Нужны еще примеры, чтобы убедить вас? Жеманные жены торговцев — прекраснейшие любовницы, а разве одиннадцать — не их обычный час? Лежать в постели им невыразимо приятно, иначе разве стали бы они этим ежедневно заниматься? Одним словом, полуденная дремота — золото: тело от нее становится полным, кожа — чистой, плоть — деблою и нежною, женские щеки от нее розовеют, а в мужчинах появляется чувственная сила. Дремота учит нас бережливости, спасая завтраки от адской пасти наших ртов, и экономит одежду — ведь пока мы нежимся в постели, она не нужна.

Когда в это похвальное время дня ты откроешь створки твоих глаз, делай так: пусть лучше тебе горло перережут, но никого не приветствуй. Даже отцу своему не желай доброго утра, кем бы он ни был, хоть императором. Бессмысленное это занятие: ему ничего доброго не принесет, а тебе сильно навредит. Ибо даже если он — мудрец, знающий цену молчанию, все равно назовут его дураком за то, что не сможет в ответ сдержать язык.

Среди всех диких людей, что носятся туда-сюда в этом огромном лесу дураков — нашем мире — нет более суеверных, чем иудеи. И все же никогда головной убор еврея не износится до дыр от постоянного снимания, никогда еврей не согнет ноги в поклоне и не

вскрикнет «Помоги тебе Бог!», даже если увидит дьявола у тебя за спиной. Итак, будь в этом иудеем — не утруждай губ понапрасну. Как только разлепишь веки, сразу начинай упражняться: сядь на подушке или покатайся всем телом по постели, зевай, потягивайся, разевай рот шире, чем торговка устрицами. Этим самым ты не только выпустишь телесных духов по всему телу, как авангард армии, чтобы укреплять и охранять его дальние границы, но и как искусный скульптор, расположишь члены наиболее изящным способом.

Этот урок закончен, перевернем же страницу. Если зимний мороз, этот пес фрисландский, не собирается тебя кусать, походи по спальне туда-сюда в одной тонкой рубашке, а то и совсем голым (так оно будет и приличнее и приятнее). Разве мы не рождаемся нагими? И зачем глупому обычаю позволять нарушать закон нашего сотворения? Прародителей наших, пока были они нагими, в раю еще терпели, а как только они покрыли тела одеждой — сразу выставили их вон. Так что не надевайте вообще ничего на себя, или натягивайте как попало. Посмотрите, насколько свобода приятнее рабства — так и свободно висящие одежды лучше, чем тюрьма аккуратно сидящего костюма. Носящий модную одежду ни к чему не пригоден: выглядит в ней человек как пугало или как будто его в цепях подвесили. Или эти прекрасные птицы, поймать которых в силки у Плиния ума не хватило (мы обычно называем их тетеревами — их много в Англии) — если ощипать их, так что станут они похожими на платоновского петуха, как его представил Диоген, или на рождественскую кукушку — они будут достойными и рыцарского стола и гораздо более для нас пригодными, чем завернутые в свою ливрею из перьев. То же и с человеком. Время — отец Истины — не имеет волос прикрыть лысину, и сама она поэтому ходит нагая, а у лжи всегда наготове плащ прикрыться от дождя. Так и лев, царь зверей, конь, самое крепкое существо, единорог, чей рог стоит половину целого города — все они не носят никакой одежды, кроме той, что им дала природа, а вот бабуины и мартышки, эти позорнейшие из лазающих существ, любят рядиться в джеркины и мандилии. Как так? Ведь их в эти лохмотья одевают лишь в насмешку.

Так что осторожнее с тем, что носите и как носите, и пусть эта высокая причина не даст вам сделаться красавчиками с виду. Ибо когда солнце встает со своего ложа, разве оно не прекраснее, когда его свет едва пробивается сквозь дымку, чем в полдень, когда оно сияет во всю мощь? Только безумец станет это отрицать. Какой мужчина не захочет увидеть прекрасную женщину нагой или хотя

бы едва прикрытой тонким батистом или какой-нибудь свободной одеждой, да еще не станет превозносить ее за это? Так взглянем ли мы с отвращением на то же самое в себе, что считаем прекрасным в других? Absit.

Глава III.

Как юному моднику греться у огня и как одеваться. Описание мужской головы и похвала длинным волосам

Но если год еще не заразился «потливой горячкой» и утро, холодное как милостыня, запустило тебе в грудь свои морозные пальцы и исщипало ледяными ногтями тебя до синяков, как невидимый гоблин; если зубы от холода скачут, как будто поешь контрапунктом и прыгают вверх-вниз, как быстрые плектры в виргинале — будь быстрым и яростным как вихрь, стаскивай всю одежду в одну кучу, хватай ее в охапку и смело выступай вперед. Кричи слугам: «Где вы там, почему огонь не разведен?». Чем больше их сразу кинется исполнять приказ, тем похвальнее для тебя перелезть через их плечи или пинками расшвырять их табуретки, добираясь до сиденья у самого очага. Усевшись там, поджаривайся у огня, пока кожа от жара не покроется пятнами и не расцветится пестрее, чем радуга.

Для здоровья не очень полезно быстро одеваться, так что не торопись, пока у очага на теле не выступит пот, жирный, как сок от жаркого, и не побежит ручьями по бокам. Вот тогда ты получишь законное право хвалиться, что живешь в поте лица своего.

Что же касается твоих чулков и туфель, носи их так, чтобы каждый мог на них показать и ославить тебя почетным именем «несогласного». Или, если есть у тебя быстрый, как ртуть, слуга и может он добежать за сапогами до самого св. Мартина, пусть верх у них будет широкий, как раскрытый бумажник, а украшенные бахромой манжеты пусть свисают до щиколоток. Голубей считают невинными и любящими созданиями; если ты последуешь такой моде, то станешь похож на мохноногого голубя и тоже сойдешь за невинного. Да и кожаные штаны на ногах заставляют тебя идти, широко расставляя ноги, а все думают, что это не от болезни, а только из-за благородной одежды.

Вот ты и одет с ног до головы по той простой моде, которой силятся подражать все дураки Европы. Теперь пора мне приняться за твою голову — я вырежу ее быстро и покрою такой прекрасной резьбой, что если бы все готемские умники сложили бы головы вместе, их черепкам до твоего очень далеко.

Чтобы сохранить свой котелок целым и безопасным, никогда не позволяй зубьям гребешка его касаться — пусть твои волосы рас-

тут свободно, густыми и длинными, как лесной бурелом. Иначе погибнут все его шестиногие жители, арендаторы твоих королевских лесов. На них будет охотиться каждый низкородный цирюльник, а ты навсегда лишишься нежного и щекочущего удовольствия почесаться. Ибо голова твоя — дом для разума, и вот так он построен: два глаза — суть стекла в окнах, через которые свет входит в каждую комнату. Над ними сделан хороший навес из волос, чтобы давать тень. Что до носа, то многие неправильно и к своему вреду используют его как индейскую трубу. На самом деле он — мост с двумя арками, под которыми сделаны удобные отдушины, чтобы разносить по всем комнатам приятные запахи и удалять мерзкую вонь из нечистых углов. Вишневые губы открываются, как свежепокрашенные двери в доме Лорд-мэра, чтобы впустить запас провизии. Язык — колокол, висящий точно по центру крыши, и чтобы он не раскачивался слишком сильно (как бывает, если в него звонят женщины — а ведь строитель дома повесил его там, чтобы он звучал тихо и размеренно), он окружен двумя ровными рядами колышков из слоновой кости, как изгородью, чтобы не вылетел колокол наружу. Уши — две музыкальных залы, в которые входят все дурные и хорошие звуки и спускаются по двум узким винтовым лестницам, как на колокольне Павла; а чтобы попавшие внутрь мелодии не выскальзывали обратно слишком быстро, все стены там покрыты желтым воском. Итак, как самый лучший дом, со множеством перегородок, труб, комнат и архитектурных деталей, но без потолка, отдан на милость дождю и разрушению, так и этот славный дворец, который мы вам показали, будет холодным и лысым, если сверху едва прикрыт. Так природа стала кровельщиком, и придумала весьма странный кровельный материал — покрыла его волосами, как будто соломой. Если хочешь сохранить данное разумом неограниченное право наследственной собственности на него за собой и своими потомкам, не подражай ни запаршивленному французу, у которого все на голове выпало с корнями, ни англичанину, который развел жалкий садок с неприбыльными кроликами там, где раньше гордо проносились быстроногие дикие олени. Пусть волосы твои растут насколько можно длинными, чтобы мог ты мудро и без опаски похвастаться, что этот куст — твой собственный.

А теперь поразмысли: как облачка прозрачного батиста свежим майским утром окутывают вершины холмов и украшают набухающее лоно долин, или как снежно-белые клочки руна, украденные шиповником у невинно пасущихся овечек себе на теплый зимний наряд, прекрасно украшают обоих, так и перья, торчащие там и

сям у тебя на голове, и отлично выделяют твою макушку, и украсят ее. Никто не посмеет тебя укорять, что ты спишь, как нищий, на соломе или как бродячий торговец, на затхлых оческах. Эти перья — твои свидетели, что постель твоя — из нежнейшего пуха, ими и поперхнется клеветник.

Когда благороднейшие щеголи тратят дни на кутежи и любовниц, они носят обычно перья на шляпах как прекраснейший знак своего великолепия, а ты, круглогодичный кутила и волокита, носи перья в волосах. И чем разрешать пуританской паре ножниц укоротить их хоть на ширину пальца, пусть лучше три прядильщицы-домохозяйки перережут нить твоей жизни. О нет! Длинные волосы — вот самая надежная сеть, которую раскидывают женщины, чтобы уловить в нее мужчин. Неужели в этом мужчины не должны превзойти женщин, как они их превосходят во всем остальном? Славных греков называли «длинновласыми» (καρχηρόμωυτες), так и ты, честный троянец, не теряй этой чести, ибо она тебе еще более подождает. Трава — волосы земли, и пока она свободно растет, украшает ее приятным цветом, но приходит загорелый мужлан и сбивает ее, как цирюльник, оставляя одну щетину. Потом она засыхает и становится ни на что не годна, только скрутить ее в вязанку и бросить клячам. Как же отвратительна лысая макушка! Она — как лицо без носа или как земля, утыканная стрелами. Если же голова покрыта волосами, то и самому злому лицу это придает гармонию, и становится оно как луг, расцветший весной. Этой мужской красоте завидуют Турки, ибо как только схватят они Христианина, в первый знак рабства сбивают ему все волосы до самого черепа. Не магометанская ли жестокость — набивать брюки и теннисные мячи тем, что однажды навсегда потерянное, не вернется никогда, как ни надрывайся?

Так что вы, кому судьба даровала волосы, пусть они будут всем видны, пусть играет с ними шаловливый ветер, пусть касаются они ваших плеч. Каждому городу известно, что те самые критиканы-сатурнианцы, у кого волосы короче, чем брови, гордятся своими заплесневелыми обслюнявленными бородами, которые у них свисают до пояса, как дюжина лисьих хвостов. Увы, зачем губы и подбородки стариков покрывает поросль, какую жестоко состригают с молодых голов? Неужели затем, чтобы этим веником — бородой — мести по нежной груди их молодых жен, пощекотать им грудь и хоть так возместить свою невосполнимую слабость? Нет, нет! На конце этих длинных седых волосков в бороде больше знания, чем во

всем мире. Уверен я, что когда золотой век царил на земле, большим преступлением было обрезать волосы, чем деньги. Ножницы и скребница нужны были только для ухода за лошадьми. Кто надевал передник цирюльника — сразу лишался всех прав навсегда. Мужчины, женщины, дети — у всех волосы были длиннее, чем судебный процесс. Каждая голова без убора была как сейчас башка голландца в нитяной кепке. Все народы могли свободно ходить с косматыми макушками, а не только ирландцы, как теперь. Но с тех пор пошли в этом мире стрижка да бритве, локоны под замком, а волосы повывпадали. Так возроди же древнюю, давно погребенную моду, и назло парикам и стрижке овец носи всегда этот стеганый головной убор. С длинными волосами для врагов ты будешь ужасен, а для друзей мужествен; в дни мира они будут тебе украшением, в дни войны — прочным шлемом, об который и лезвие меча затупится, и свинцовая пуля сплющится. Зимой они тебе будут теплым ночным колпаком, а летом — охлаждающим перьевым веером.

Глава IV.

Как щеголю вести себя на прогулке в соборе Павла

Устали мы туда и сюда ходить под парусом вдоль варварийского побережья, давайте здесь бросим якорь и ловко соскочим на землю, на наши берега. Здесь свежий воздух тем больше для нас приятен, что у олуха, которого мы стараемся приблизить к совершенству, осталось достаточно слабого ума, чтобы выбрать место, где родиться. Этот истинно гуморический щеголь, что хочет отдаться всем модам (а если амбиция его такова, то и любую похвалу превзойти), должен так же практиковаться в прогулках, как и разнообразить салаты, разбираться в сортах табака и уметь правильно натягивать новые шотландские чулки. Все эти достоинства великолепны, они щеголя и кормят, особенно если старый проеденный червями фермер — отец его — уже умер и оставил сыну пятьсот в год — только и хватит на ирландскую лошадку, ирландца — конюха и жить, как подобает джентльмену. Так что пускай тот, кто пытается совывать ноги в шелковые чулки, а гордую походку приспособлять к широким подвязкам, вдохнет эту понюшку наблюдений. Если он однажды научится ходить, как учит книга (а почему бы и нет, на дуэлях же по книгам дерутся), то Павел, возможно, будет еще им гордиться, Уилл Кларк прозвонит в его честь панегирик, Джон во Дворе Павла сделает по форме его головы прекрасный

болван для своих шляп, а все судебные Инны возрадуются, увидев его совершеннейшие голени.

«Средиземный» неф — вот галерея, достойная того, чтобы в ней висели портреты всех истинных модников и совершенных лохов. В эту галерею направь свой путь, только выбери такой час, когда выплывают на прогулку все нефожители. Вначале заметь, через какие двери вход и выход, как делают актеры в театре, даже в странности соблюдая приличия. Например, если вы джентльмен с севера, я бы вам посоветовал входить через северную дверь чаще, чем через другие: сообразуйте ваш вход с тем, откуда вы.

Что же касается прогулочных галерей, будьте осторожны и внимательно смотрите, к какой колонне подходите. Если вам дорога ваша честь, избегайте того места, что называется «бревно слуг» и на пять фатомов не приближайтесь к этой колонне. Смело идите по середине нефа, как будто вся церковь ваша. Там, у всех на виду, вы продемонстрируете свой костюм во всех его красотах, как захотите. Можно дать плащу соскользнуть с плеча и будто бы в гневе подхватить его, всем показав дорожную подкладку, если она по крайней мере из тафты. Можно воспользоваться комплиментами. Но есть еще один прием, который я вам особенно рекомендую. Многие щеголи выглядят заурядно и дешево оттого, что этим пренебрегают. Ни в коем случае не идите по галерее дальше пятого поворота, исчезайте на время — заходите в одежные лавки, в новый табачный магазин или к книготорговцам. Не умеете читать — закурите в лавке, насладитесь дымом, а потом поинтересуйтесь, какие есть у них книги против этого божественного зелья, и т. д. Ненадолго вы скроетесь, а польза для вашего костюма большая: будете много гулять по галереям — он всем приестся. Но если Павловы джеки уже выставили локти и дерутся, чтобы пробить одиннадцать — только часы разнимут их драку молоточком, не задерживайтесь в галерее Герцога, быстро выходите на открытое пространство. Если, выходя, случайно встретите или поймаете вопрошающим взглядом какого-нибудь знакомого рыцаря или сквайра, ни в коем случае не приветствуйте его «сэр Такой-то», а только «Нед», или «Джек», или что-нибудь подобное. Это вам добавит репутации среди больших людей. Если он в ответ громко крикнет вам через головы десятка компаний (а именно так делать очень благовоспитанно), где можно с вами встретиться часа в два, назовите самые дорогие ординарии, куда ходят только щеголи. После обеда можете вернуться в галерею, переодевшись из английского сукна в легкий турецкий програм, если

имеете вы счастливую возможность так менять одежду. Пройдите до первого или второго поворота, поковыривая в зубах пером или специальной серебряной штучкой, почистите десны старым носовым платком. Неважно, обедали ли вы, и где (это знает только ваш желудок), хоть бы даже и у себя в спальне съели кусок домашнего сыра, который ваша мать сама сделала.

Если же у вас много непогашенных долгов в Сити, т. е. если вы — щеголь, попавший в долговые книги торговцев атласом и бархатом и ваше имя оттуда не вычеркнуто (а я считаю, что самое большое блаженство в мире, если ни в чьих книгах твое имя не встречается часто), то галерея Павла — единственное ваше убежище. У могилы Герцога вы неприкосновенны, она сохранит вас от червей и крыс, что давно хотят попробовать ваш труп. Зимой там можно поразмять ноги весь вечер, беседовать, замышлять что-нибудь, смеяться, говорить о чем угодно, насмехаться над кредитором хоть прямо в лицо, а вечером при свете фонаря незаметно ускользнуть и одурочить целую шайку отвратительных приставов.

Поднимайтесь вверх по ступеням на хоры только в дни больших праздников, чтобы продемонстрировать всем ваш дублет, в особенности если мальчики-хористы вас заметили, потому что они могут петь вам хвалы громче, чем гимны, если голос их еще не потерял девственность. Нацепите серебряные шпоры — и мальчики налетят на вас, как стая белых бабочек. Когда вы при всем хоре вытасчите надушенный вышитый кошелек, один взгляд на который отвлечет многих от молитвы, и высыпете серебро мальчикам в ладони, звон этот заглушит чтение из Ветхого Завета, хоть бы голос у чтеца был громче органа.

Когда совершите этот всем заметный и благородный поступок, спуститесь с хоров немедленно и вернитесь в галерею, но не ходите там долго один, иначе подумают, что вы щеголь, изгнанный из общества офицеров и дуэлянтов.

Особенно крепко усвойте следующее: ни перед кем не снимайте шляпы, разве только если лента у кого на шляпе будет моднее, чем у вас, и в три раза необычнее. Если же у кого на шляпе лента из втрое сложенного крепа, — хоть бы он был сыном олдермена, не подходите к нему: есть подозрение, что он хуже, чем лох. Перед ним нельзя снимать шляпу, раз он не понимает, когда какую ленту носить и какой модный болван в шляпном магазине больше всего

подходит к его голове. По моему мнению, если человек не может сам себе выбрать фетровую шляпу — украшение для головы, то его глупость разойдется по всем членам его тела и сделает его абсолютным законченным дураком *in summa totali*.

За долгую осаду у лошадей не появится столько видов сапа, сколько мод можно увидеть бесплатно каждый день в галерее Герцога Хамфри. Так что если захотите сшить себе новый костюм, позовите портного с собой к Павлу. Пусть он со шляпой в руке, как шпион, примечает ткани, цвета и моды любого дублета или панталон, какие там только можно увидеть, а потом спрячется за колонной со своей записной книжкой и все туда занесет. После этого портной может выпустить вас в мир как совершенного человека, а это значит, что вы будете носить первое издание вашего костюма.

Но если судьба вам так благоволит, что вы родились всего лишь сельским джентльменом или его родственником до третьего колена, в таком случае мне вас очень жаль: жизнь в Лондоне обойдется вам очень дорого, прежде чем вы определите, кто же вы на самом деле. Запомните такое правило: первый раз придя к Павлу, пройдите по собору, как будто вы носильщик. Не задерживайтесь в центральном нефе, пройдите одну арку и, главное, ни за что даже одним глазом не смотрите на дверь *si quis*, которая вся покрыта и испещрена мольбами слуг. Поднимитесь на колокольню собора за один пенс, а когда дойдете до самого верха, осторожнее смотрите вниз во двор, потому что перила там такие же дряхлые, как ваш прадедушка. Будет кстати, если вы поинтересуетесь, как же Кит Вудрафф осмелился через них перелезть и какая у него была причина рисковать шеей в случае, если им будет нужен ремонт. От этого разговор может перейти к коню, который взошел на колокольню — попробуйте узнать адрес конюшни, отметить дату, количество ступеней и заставить себя поверить что это на самом деле был не конь, а нечто другое в его облике. Вернувшись домой, о всех эти чудесах вы можете рассказывать, поражая слух всех фермерских дочерей, которые будут от ваших историй в обморок падать и приходить в себя только после второго оглашения предстоящего брака.

Но мы еще не закончили. Прежде чем спуститься вниз, достаньте нож и выдавите ваше имя (или, если имени не помните, тавро, которым клеймите овец) большими буквами на свинцовых листах крыши, как это сделали до вас ваши братья из города и провинции. Так имя переживет вас в свинцовом гробу, когда ваше

тело уже завернут в саван. Поистине, крыша Павла содержит больше имен, чем «Хроника» Стоу. Но вот все трюки на высоте закончены, и ноги принесли вас обратно к подножию лестницы. Следующее достойное вас дело — пойти к могиле Лорда-Канцлера. Если умеете неплохо разбирать буквы, можете прочитать краткую эпитафию на могиле Филипа Сидни. Хорошо постаравшись, за час вполне можно доковылять до ее конца. Последнее, что стоит осмотреть — большие часы. Уделите им хотя бы полчаса, чтобы понаблюдать за нахальными деревенщинами, которые расположены как раз над Человеком-с-луны. Странность их движений вознаградит вас за ожидание. Кстати, можете использовать эту возможность, чтобы перевести ваши часы на время Павла — уверяю вас, оно на пять делений точнее, чем время на часах церкви Св. Гробницы. Польза от этого еще и та, что все увидят ваши позолоченные часы и поймут, что вы легко приспосабливаетесь к изменениям.

Думаю, вы уже вдоволь нагулялись, слегка подустали и голодны как настоящий джентльмен. Можно было бы вас отвести к Герцогу, но он, как стало модно среди великих мира сего, своего стола не держит. Поскольку вам придется теперь искать обед, разрешите уж мне взять вас за руку и отвести в ординарию.

Глава V.

Как юный щеголь должен себя вести в ординарии

Выспросив, в какой самой известной ординарии собирается большинство придворных щеголей, возьмите в привычку отправляться туда где-нибудь в половине двенадцатого, тогда застанете всех образцовых модников в одной комнате в ожидании обеда. Скачите в ординарию на своей Гэллоуэйской кляче или низкорослой испанской, быстрым ковыляющим шагом, оденьте дублет и панталоны (позолоченную рапиру и кинжал рассуйте по местам). Пусть ваш лакей-француз с вашим плащом в руках бежит впереди. А лучше поезжайте в карете: спрячетесь от взглядов кредиторов-василисков и обгоните целую псарню сквернословящих бейлифов.

Когда зайдете в ординарию, никого не приветствуйте, кроме знакомых. Ходите взад и вперед мимо остальных небрежно и с презрением, как церемониймейстер при дворе. Сбросив плащ, выберите кого-нибудь из друзей и пусть он ходит вместе с вами по ордина-

рии, только проследите, чтобы одежда его была намного хуже вашей. Он будет для вас удачным фоном, на котором ваш костюм будет смотреться лучше, чем у Павла, на теннисном корте или в театре. О чем бы вы ни говорили, кричите как можно громче. Лицо ваше должно выглядеть кисло, обещая каждому скандал — тогда вас все заметят.

Если вы военный, говорите больше о ваших подвигах в плаваниях: португальском, кадисском, азорском, не забудьте про семь-восемь походов, которые вы совершили в Ирландии и Нидерландах. Расскажите, как хорошо с вами обходился Принц (Морица Нассауского обязательно называйте просто «Принцем»), сколько раз вы пили с графами таким-то и таким-то на коленях за здоровье Принца. Главной вашей заслугой пусть будет то, что ни один голландец во всех семнадцати провинциях не мог вас перепить. Если вокруг вас собрались те, что никуда не выезжали из Англии и потому вам верят, дурачьте их дальше: расскажите, как вы были переводчиком на встрече французского короля с правителем варварийским и как они пили за здоровье друг друга. Если вы знаете языки, вот вам отличный случай это продемонстрировать. Если нет, роняйте хотя бы отдельные слова или фразы на французском или итальянском. Осторожнее только с латинским: латынь в ординарии так же уместна, как в осажденном врагом гарнизонном городе.

Если вы придворный, рассуждайте о том, как получают выгодные места при дворе, о вашей любовнице и пр. Полюбопытствуйте, не хочет ли кто из джентльменов за столом получить такое место с помощью высокопоставленного лица. Если вы умеете не краснеть, добавьте еще, что, слава небесам, вы сейчас в большой силе при дворе (хоть вы и отлично помните, что ко двору вас пустят одним глазком глянуть, только если вы богато разоденетесь). Настойчиво спрашивайте, есть ли у кого знакомый джентльмен, совмещающий две должности, или викарий с двумя приходами, искусно тем самым намекая: вы об этом спрашиваете потому, что у вас есть средства для покупки места. Не замолкайте ни на мгновение и не сидите, как осел, с пальцем во рту, — рассказывайте, как часто леди такая-то присылает за вами карету, и сколько раз вы вместе потели на теннисном корте с лордом таким-то. Действительно, вместе потеть во «Франции» (я имею в виду теннисный клуб) — вот уж отличный признак дружеских отношений, даже если один дворянин, а другой крестьянин.

Если вы поэт и забрели в ординарию (хотя что за слава быть *ординарным* поэтом?), ведите себя следующим образом. Ни на кого внимания не обращайтесь, не снимайте шляпу перед тем джентльменом, которому два дня назад были обязаны ужином. Пройдитесь раза два по зале, выберите момент и снимите перчатки (в них заранее спрячьте эпиграмму, сатиру или сонет, чтобы как будто случайно краешек показался). Джентльмены сразу же потребуют прочитывать стих, вы же притворно отнекивайтесь и заставляйте себя упрашивать. Хоть стих и не ваш, клянитесь, что это вы его написали. Но если в ваших руках оказался плод чужого остроумия, есть и лучше совет: как начнут вас спрашивать, кто это написал, отвечайте: «Честное слово, один мой достойнейший друг, очень образованный джентльмен». Это вам либо зачтут за скромность, либо решат, что вы не стремитесь к похвалам, — а может, подумают, что вы боитесь признаться в авторстве такого острого стиха. Да и для славы вашей полезно, чтобы язык работал раньше, чем зубы, как бы вы ни умирали с голоду. Чем сидеть как тупой болван, лучше повторяйте выученные свои или чужие стихи, растягивая и самые лучшие строки на дыбе критики. Пусть это и противоречит закону, совести и чести, но зато даст вам бесплатный обед, а может, и другие блага. Да что там: я бы посоветовал поэту сговориться с хозяйкой ординарии. При условии, что он будет рифмами завлекать в ее заведение рыцарей и юных джентльменов и веселить весь стол, поэт легко может набивать брюхо за ее счет.

Ну и хватит советов для отдельных профессий, пожалуй. В целом, все завсегда и ординарий, делайте как я скажу. Пока горячую еду еще не принесли, щеголь должен достать табакерку, ковшик для понюшки, щипцы для угольков и палочку для чистки трубки. Вся эта артиллерия должна быть из золота или серебра — удобно будет заложить, когда денежный поток оскудеет. И нужно обязательно знать лучше любого торговца, как в городе обстоят дела с табаком, у какого аптекаря табак покупать, уметь рассуждать об их настойках столь же охотно, как сами аптекари разбирают корявый почерк доктора. Пусть щеголь покажет все свои штуки с табаком: затянется, выпустит дым кольцами и т. д. Вот такие достоинства и приносят джентльмену неподдельное уважение — уверяю вас, гораздо большее, чем любая наука.

Когда сядете обедать, ведите себя как можно наглее, ибо так и подобает джентльмену: когда рыцарь рядом с вами принялся за тушеную баранину, вы, хотя всего лишь капитан, сразу хватаетесь за

гуся. Когда мировой судья по уши в гусятине, вашему происхождению не повредит (даже если ваша мать и леди) — смело берите себе вальдшнепа.

Во время обеда не бойтесь встать и попросить стульчак, крича, что лекарства вам обходятся в сто фунтов в год, да еще ежегодно платите доктору жены. Если хотите, можете, как тот французский вельможа, пригласить самых близких друзей пройти из-за стола с вами в нужник побеседовать за делом. Когда же вернетесь к столу, доставьте обедающим щеголям удовольствие и дайте им возможность поупражняться в остроумии. Спросите у них, какие стихи или памфлеты наиболее пригодны, чтобы ими вытирать задницу (только носите с собой сильно пахнущие духи, чтобы беседа не воняла). Предлагая такой вопрос, можно обгадить труды любого автора, принизить те из них, до которых вашим особенно далеко, и заслужить со временем ужасное имя строгого критика. Если вы окажетесь достаточно либеральны и в свою очередь заплатите за ужин, можете даже стать членом колледжа критиков.

После обеда каждый по своим делам: кто за кости, кто к шлюхам, кто в театр, кто искать друзей при дворе, кто собирать платежи в городе, кто к Павлу, давать займы тестонами, а кто на биржу, занимать кроны. Говорят, что народ — это многоголовый зверь; если так, то у него все головы — как у гидры, все время отрастают. Рога на них очень разнообразные, прорастают и ветвятся они тоже неодинаково, так что в ординарии можно увидеть разнообразие голов всего королевства на примере нескольких обезьян.

За игрой в кости не материтесь — это выдает ваше ярое нежелание расставаться с деньгами, а значит, скрытую бедность. Осторожнее с этим. Когда сядете играть в примеро или в хазард, даже проигрывая годовой доход, сидите терпеливо, как безоружный джентльмен, попавший в цепкие руки приставов. Ну так и быть, разрешаю вам материться про себя, порвать полторы сотни колод, разбить двадцать наборов игральные костей и тысячу раз за час клясться, что никогда больше не сядете за игру, только не ругайтесь вслух. Проиграв в кости все до рубашки, сбейте и заложите бороду, если друг даст хоть один ангел за нее — это лучше, чем уходить проигравшимся. Еще помните, что истинному игроку всегда можно доверять на сумму не больше, чем он проест за один квартал, и если нужно, давать ему одежду.

В ординарии за двенадцать пенсов можете разрешить заплатить за вино любому мировому судье или юному рыцарю, если они сидят хоть на один градус ближе к экватору солонки, и они не должны отказываться даже за неделю до ежеквартальных выплат (время доброй надежды и реальной нужды).

Бывают и другие ординарии, ценой в три пенса, куда стягиваются лондонские ростовщики, закоренелые холостяки и скупые юристы. Залы там набиты людьми, как камеры в тюрьме, да еще и разделены на маленькие комнатки, как больничные палаты. Любезничают там мало, да и вообще немного говорят, ведь у брюха нет ушей, каждый взгляд устремлен в тарелку соседа: убедиться, не обманули ли его. Если и ведется какой разговор, то только о статутах, сделках, обязательствах, штрафах, взыскании убытков, аудите, арендной плате, субсидиях, поручителях, огораживаниях, передаче владений, приговорах, объявлениях вне закона, пожаловании поместий, судебных постановлениях, комиссиях, делах о банкротстве, взысканиях по усмотрению пострадавшей стороны и тому подобных ужасах. Если в соседней комнате обедает со своей шлюхой офицер, — он, пожалуй, решит, что за стенкой колдуют. Не могу найти ни одной причины для вас сидеть в такой ординарии: когда унесут скатерть, станет ясно, что здешних посетителей в благородную ординарию даже официантами бы не взяли. В хорошей ординарии много удовольствий для щеголя: поесть вкусно, побыть в отличной компании, получить все новости раньше чем по почте, выяснить, где самые лучшие бордели, показать модный костюм, вызнать, кто много пьет, кто обжирается, кто грубо лезет в ссору. Если кто собирается в путешествие, может поставить на свое благополучное возвращение. Если кто беден, то время от времени может найти лоха, которого, по светскому обычаю, можно развести на деньги.

Итак, кожура от фруктов и обрезки сыра уже в помойном ведре, вонючие карты и кости брошены в огонь, гости собрались уходить, позолоченные рапиры в ножнах, лакей-француз и мальчик-ирландец переминаются с ноги на ногу за дверью с хозяйскими пони на поводу: пора ехать в театр, там место встреч, все уже спешат туда. Возьмем-ка пару весел и бодро за ними.

Глава VI.

Как щеголю вести себя в театре

Театр — это биржа для поэтов. Там встречаются их музы, превратившиеся теперь в торговков, и отдают легкий товар слов за еще более легкие аплодисменты и за дыхание многоголового зверя, и все это, как угрозы двух трусов — просто растворяется в воздухе. Актеры — торговые агенты поэтов: продают их товар, показывая его всем в самом лучшем свете, как и положено по их ролям. Щеголь, придворный и капитан считаются самыми надежными плательщиками, да я думаю, они и лучшие покупатели. У актеров в голове такой запас товара, что они комический груз отправляют и принимают grosсами. Обитатели же стоячего партера и галерки покупают себе удовольствия на пенс, и как старьевщики, рады его перепродать, повторяя слова поэтов.

Раз уж здесь так много развлечений и место найдется хоть фермерскому сыну, хоть юристу из Темпла, — одинаково свободно тут себя чувствуют вонючки, окутанные табачным дымом, и надушенные придворные. Возчик и лудильщик требуют себе такое же право судить пьесы, как самый гордый Момус в племени критиков. А когда приходит тот, чье имя стоит в счетах большинства портных, его тоже, разумеется, нельзя, как виолу, поставить в футляре в угол.

Около частного или публичного театра сборщики ждут вечерней платы за вход. Пусть наш щеголь, заплатив, немедленно идет к своему трону — нет, я не о «ложе лордов», она теперь стала пригородом сцены. И не о тех ложах, что позорно загнаны в заднюю часть театра грехом обычая, заговором служанок и компаньонов и скупостью пайщиков: много там попорчено атласа в темноте. Нет, прямо на тростнике, где танцует комедия, под покровом трона Камбиза наш пернатый страус, как большая пушка, доблестно займет свое место, нагло презрев свист и крики черни.

Сами подумайте, сколько выгоды в том, чтобы сидеть на сцене. Во-первых, вы занимаете высокое место и всем заметны, то есть лучшие и основные достоинства щеголя: хорошая одежда, изящные ноги, белые руки, парижские локоны и средней длины борода, выставлены напоказ.

Сидя на сцене, вы как будто получили подписанный патент на все виды критики, законное право считаться насмешником и стоять у руля, управляя сменой сцен. И все же никто не может вам помешать заслужить еще и титул наглого высокомерного хлыща.

Сидя на сцене, вы можете, почти не сходя с места, узнать, кто написал эту пьесу. Закон гарантирует вам, что в ваших расспросах вы не сильно ошибетесь: если вы не знаете автора, можете его смело поносить, а может, будет и так, что вы заставите автора вас запомнить.

Сидя на сцене, если вы рыцарь — можете найти себе любовницу, если простой джентльмен с Флит-стрит — жену. Уверяю вас, если на сцене будет ваше постоянное место, то с вас всегда будет начинаться счет на картинке «нас здесь трое».

Рассевшись на сцене, вы, судья пьес, станете таким театральным авторитетом, что поэты не осмелятся грубо выталкивать на сцену свою музу, не сняв с нее маску, не обыскав ее и не раскрыв все ее тайные места предварительно вам где-нибудь в таверне, а вы, как истинный рыцарь, за его труды оплатите ему ужин.

Сидя на сцене, можно за малую плату познакомиться с мальчиками-актерами, за шесть пенсов получить хорошую скамеечку, в любое время узнать, кто из детей какую роль играет, попросить огонька, рассмотреть позументы на костюмах актеров, побиться о заклад, что они медные, и т. д. Так что будь вы дураком или мировым судьей, рогоносцем или капитаном, сыном лорд-мэра или деревенским болваном, мошенником или помощником шерифа, монетой какой бы чеканки вы ни были: настоящей или подделкой, — сцена, как время, осветит вас лучше всего и раскроет все, что в вас есть. Со сцены вас не прогонят, хотя партерные пугала будут свистеть, улюлюкать, плевать в вас, даже кидать грязью в лицо. С терпением истинного джентльмена переносите все это и смейтесь над глупыми животными. Но когда толпа в одну глотку заорет «Покончить с дураком!», только сумасшедший замешкается, а дурак и настоящий джентльмен на одной сцене вместе не сидят.

А вот это замечание пусть идет рука об руку с остальными — или нет, пусть бежит на пять ярдов впереди, как деревенский слуга. Не появляйтесь на сцене (особенно если пьеса новая), пока трясущийся Пролог не натрет себе щеки до красноты и не подаст трубам сигнал, что он готов выйти. Тут-то вам и пора появиться, как будто вы — часть постановки или выскочили из-за кулис. Вылезайте из-за gobелена с табуретом или скамеечкой в одной руке и с тестоном между большим и указательными пальцами другой. Если вы явите

плебсу свою персону, когда брюхо театра наполовину пусто, пропала ваша одежда, потеряна мода, и ваше телесное совершенство заметно не более, чем на прилавке в птичьем ряду. Избегайте этого, как жезла начальника долговой тюрьмы. Горячее одобрение вы заслужите, если засмеетесь громко во время самой серьезной и печальной сцены самой ужасной трагедии, и пусть этот колокол, ваш язык, болтается так сильно, что шуму будет на весь театр. Ведь так же делают лорды, а рыцари им подражают, а студенты судебных Иннов — обезьяны рыцарей, повторяют за ними, как дзанни, хоть и плохо. Что касается наблюдения за другими, будь как бигль и никогда не прекращай вынюхивать, пока не возьмешь след. Если же еще болтать и смеяться как крестьянин, танцующий моррис, то вы гордите Оссу на Пелион, славу на славу. Во-первых, все глаза на галерке перестанут следить за актерами и обратятся к вам, самый простоватый болван в театре запомнит ваше имя и если случайно встретит вас на улице или ночью на его глазах вас остановит стража, он сразу за вас поручится, закричав: «Да он же такой светский кавалер!», и вам разрешат пройти. Во-вторых, вы всему миру продемонстрируете свою умеренность: вы не накидываетесь на тщетные удовольствия с аппетитом голодающего, но, как джентльмен, проводите в театре часок-другой от нечего делать. В-третьих, вы всем зрителям портите вкус от пьесы, а автора покрываете позором. Вы высказали, наперекор всем, собственное резкое мнение и вынуждаете поэта пожалеть вашу слабость и посвятить вам сонет, возвеличить вас, лишь бы вы заткнулись.

Если ради любви или денег вы живете на берегу реки (а как удобно, что вас не похлопает по плечу пристав, и шлюх можно утром вовремя выпроваживать), то для вас возможна еще одна почесть — можно быстро добраться прямо для ступеней театра. Помните: лодочник хуже посудомойки. Ваши гребцы — всего лишь морские крабы, садитесь к ним в лодку, и следите, чтобы второй раз с одной и той же парой не ездить. Часто менять местами гребцов — похвальное качество джентльмена, а уж от предложения поделить между собой плату за проезд эти водяные змеи захотят на куски вас разорвать, чтобы угодить вам. Когда причалите, неважно, есть у вас деньги при себе или нет, — можете раз двадцать по расписке переправляться. Когда будет при себе серебро, заплатите им втрое больше, и эти ловцы камбал будут в следующий раз благодарить вас, даже если вы не достанете кошелек, зная, что деньги у вас есть, и когда-нибудь они им достанутся.

Прежде чем начнется пьеса, за карты. Можете выиграть или проиграть, заранее договорясь, как фехтовальщики на турнирах, и все деньги поделить за ужином. Чтобы одурачить оборванцев, которые смотрят на вас, раскрыв рот, надорвите четыре-пять карт и бросьте их об сцену при третьем звонке, как будто вы проиграли. Неважно, если четыре валета упадут рубашками вниз и лицом к зрителям. Ни один дурак не будет протестовать, потому что когда начнется представление, появятся мошенники почище.

Итак, сэр, если автор сочинил про вас эпиграмму или флиртовал с вашей любовницей, или вывел на сцене ваше перо на шляпе или рыжую бороду или коротенькие ножки и т. п., вы можете опозорить его сильнее, чем подбрасывать завернутого в одеяло или устроить ему *бастинадо* в таверне. В самой середине пьесы — будь то пастораль, комедия, мораль или трагедия — встаньте с перекошенным и недовольным лицом со своей скамеечки и уходите, хороша ли сцена или нет. Если хороша — так тем более она вам противна. Только не уходите как трус, но попрощайтесь со всеми благородных знакомых, которые сидят рядом на скамейках или просто на камышовых циновках и уведите, кого можно, за собой со сцены. Актеришки ждут, когда вы им вернете свободу действий, поэт кричит что-то вроде «чума тебя заberi», а вам все равно: не бывает музыки без мучений.

А уж если компания или плохая погода заставят вас досидеть до конца, мой совет: ведите себя как обезьяна, вытащите камышинку из циновки и пощекотите уши соседям-щеголям, чтобы все прочие дураки упали со смеху; когда идет страстный монолог, мяучьте; когда веселая сцена, мычите; придирайтесь к музыке; освистывайте мальчиков, и главное — ругайте пайщиков: не далее чем сегодня вы отдали 40 шиллингов за вышитую фетровую шляпу с перьями — подарок вашей любовнице при дворе или городской шлюхе, и что же? Через два часа точно такой же фасон вы видите на сцене, хотя шляпник вам клялся, что это самая новейшая мода.

Итак, подведем итоги: собирайте лучшие отрывки из пьес, какие только найдете — вашему тощему уму они на пользу, за отсутствием другой пищи, на случай, если аркадийские эвфуизированные дамы решат на вас отточить свои языки. Это качество, и еще умение играть в волан — лучшее достоинство начинающего придворного, который еще не прошел азбуку учтивости. Но вот театры пустеют и заполняются таверны, туда и поспешим, где из одной

свиной головы выбивают мозги, чтобы наполнить другую.

Глава VII

Как щеголю вести себя в таверне

Кто хочет иметь в Сити хорошую репутацию и, как тот французский вельможа, накрывать столы по количеству слуг (заодно им и воровать труднее будет), будь то юноша, первый год получающий доходы, или суровый и угрюмый мажордом, что, несмотря на атласные одежды, длинную бороду и золотую цепь, всем, кроме кредиторов его хозяина, представляется полным дураком; или сельский джентльмен, который привозит жену в столицу посмотреть на моды, гробницы в Вестминстере, львов в Тауэре и сходить к доктору; или молодой фермер, который убеждает жену, что у него в городе тяжба, а сам едет услаждать свою похоть; или кто угодно, но с деньгами в кошельке и желанием их тратить — мой совет: ужинайте в таверне, бесспорно это единственное место встречи для хорошей компании. Кабатчики там самые быстрые, самые дерзкие и внезапнее всех требуют ваших щедрот.

Итак, втиснувшись в самый модный костюм, — какой бы он грубый ни был, главное, что модный — узнайте, в каких тавернах собирается лучшее общество, где хозяин таверны чаще всего пьян (это подтверждает наличие вкуса, да и выбор вин лучше) и стоит дальше всего от долговой тюрьмы. Когда доберетесь с вашими спутниками до таверны, первым делом наладьте отношения с кабатчиками, разливающими напитки: запомните, как их зовут, Джек, Уилл, Том или еще как, выясните, кто увлекается фехтованием, а кто танцами, а вот этот волшебник винных бочек по ночам посылает евнуха за своей шлюхой, кто любит собак, а у кого другие высокие и достойные гражданина вкусы. Когда узнаете их пристрастия, говорите, что вам нравится то же самое, и что вы в год тратите на это кучу денег. А польза от близкого знакомства с кабатчиками такая: если дней пять-шесть подряд у вас нет денег, можете оплатить счет как джентльмен. Скажите только: «Мальчик, принеси мне денег из кассы» — и будете избавлены от голодной меланхолии. Ну и кроме того, если хоть из одного крана льется неразбавленное вино, оно будет для вас, а не для другого, даже и более заслуженного клиента.

Как только усядетесь и вытащите из карманов табак, трубки и все предметы для курения, спрашивайте прежде всего, что есть готового на кухне. Иначе придется вам оскорбить ваш желудок походом в кладовую, а там можно и одежду жиром испачкать. Так поступают только портные, да еще про вас и подумают, что вы в сговоре с кухонной прислугой. Итак, получив меню, вы, как капитан, распределяющий жалование убитых, заставьте для начала весь стол салатом вместо более питательных блюд. В соответствии с временем года, разнообразьте ваш выбор: иногда и каплун бодрит, от устриц полнеют, от форели чешутся; гусенок или вальдшнеп могут быть нежными, особенно если вы в такой таверне, где сидите торжественно, как церковный староста среди приходских бедняков на Троицу или Рождество.

Что касается напитков, не разрешайте врачу прописывать вам какой-нибудь один. Как не стоит джентльмену углубляться в одно искусство, но лучше разбираться во всех, т. е. лизнуть всего понемножку и прочь, так нельзя все время и сосать одну виноградину. Теперь, когда наконец настал всеобщий мир, можно любого напоить допьяна той винной стихией, что он предпочитает, или точнее, говорить с ним на его собственном туманном языке опьянения.

Разговор за столом ведите такой же, что и в ординарии. Ведите себя так же, только чуть более развязно: где больше трат, там меньше скромности. Хотя вы и в бешенство придете, стоимость ужина оправдает вашу неучтивость. Без всяких укоров совести можете противопоставить нехватку остроумия поверхностным и колким мнениям других.

Если вам не хочется, чтобы вам досаждали скрипачи, которые по закону, как мелкие мошенники, могут пробираться везде, если у них есть при себе лицензия, не приводите в таверну с собой женщин, но если вам нравится компания всех кабатчиков сразу, никогда не ужинайте без шлюхи — при ней вас будут особенно назойливо обслуживать. Поинтересуйтесь, что за щеголи ужинают в соседнем зале, и если они вам знакомы, ни за что не посылайте им, как это делают в Сити, бутылку вина и записку с вашим именем, подслащенную двумя пакетами сахара и устными извинениями через кабатчика. Наймите лучше мальчика, который станет ходить из зала в зал и везде, как бы невзначай, хвалить вас: какой вы галантный, сколько денег оставляете ежегодно в тавернах, какой вы игрок, какие у вас хорошие манеры, как остроумно вы беседуете за своим

столом, сколько жен джентльменов или горожан по мановению вашего пальца прибегут с вами ужинать и т. д. От таких похвал и те, что вас не знают, начнут вами восхищаться, просто познакомиться с вами для них будет — как будто попасть в рай. А если еще тут же окажутся ваши дорогие друзья, можно соединить кампании и пить вместе, всем напоказ.

Но в этом океане попоек, следите, чтобы никто не притворился пьяным, чтобы освободить свой кошелек от тяжести счета, — теперь это стало обычным делом среди джентльменов, а раньше так делали только кокни. Оставьте трезвой хоть часть мозга, чтобы предотвратить такие штуки. И вот приходит ужасный счет, как приговор, заставляет вас поднять руку и выйти к барьеру. Не убирайте ни пенни ни в одном пункте счета, хотя они вам приписали сыр, а вы его не ели и вообще его терпеть не можете, даже на тостах; бросьте взгляд только в графу *итого* — и не далее. Ведь водить глазами по строчкам счета — значит признаться, что вы знакомы с расценками. Так и виночерпии подумают, что вы *отец семейства* и домовладелец. Уверяю вас, это сейчас не модно.

Если после ужина сядете играть в кости, пусть кабатчики вам будут так же знакомы, как ваш цирюльник, и ставят серебро на кон вместе с остальными, откуда бы оно у них ни взялось — нужно лелеять мотовство в этих молодых голубках, потому что вы и они сцеплены вместе завязками от кошелька и тащите колесницу Дамы Расточительности, когда один падает и трясет рогами, пусть второй радуется и смеется над ним.

Когда уходите из таверны, поцелуйте хозяйку через барную стойку и согласитесь отведать вина «из погребов» когда вам кабатчики его предложат (а доброта такая на них нападает обычно, когда вы уже на ногах плохо стоите), пожелайте доброй ночи виночерпиям. Все это также похвально и хорошо, как для цирюльника после бритья протереть ваше лицо духами.

В заключение скажем: считайте за честь пригласить кого или быть приглашенным на игру в кости — хотя там вам попадется много атласа, но зато встречаются дети, младшие братья и наследники богатых горожан. Они вынюхивают такие праздники жаднее, чем портные в воскресенья после свадеб. И пусть вас затянут на ужин к фехтовальщику или к актеру, который изображает фехтовальщика за деньги — тем самым вы получите опыт участия в отвратительном

мошенничестве.

Глава VIII.

Как щеголю вести себя в городе ночью и как проходить мимо стражи

Вот уже не звучит в ушах звон горшков, в голове бродит табак и алкоголь, дверь таверны захлопнулась за вашей спиной. Вам нужно теперь пройти по самым широким и красивым улицам города. И если средства вам не позволяют содержать мальчика-слугу, наймите кабатчика, чтоб он стал для вас фонарем и довел вас домой. Когда поравняетесь с каким-нибудь другим поздним гулякой, ругайтесь и материтесь, как немец, громким голосом. Поносите ваших слуг за то, что ушли без вас, бросили, как будто чернь какую, обещайте им утром ливреи на уши натянуть, (а на самом деле хоть обыщи вашу комнату — вы платите шесть пенсов какой-нибудь старушке, чтобы она вам постель приходила убирать, и других слуг у вас нет). Если вы унюхаете приближение стражи (а это легко, они все время едят лук, чтобы не простудиться) или попадете в зону поражения их коричневых бердышей, пусть тогда ваш подсвечник, который держит факел (с фитилями из пакли и дегтя пусть сапожники ходят), пусть этот *ignis fatuus*, подойдя поближе к жезлу констебля, громко спросит: «Сэр Джайлс,» (или «Сэр Абрам,») «вы изволите здесь повернуть или дальше по этой улице?» Неважно, есть ли в вашей группе люди с такими именами, стража вам только подмигнет ради той любви, что они испытывают к гербам и рыцарскому сословию. Да что там! Если стражник и весь караул с ним, точно соблюдая свой военный устав, крикнут «Стой!» и потребуют назвать пароль и объяснить, почему это вы ходите так поздно, ответьте им шуткой — это покажет, что вы отчаянный остроумец, и алебардчики побоятся своими гнусными руками хватать вас. Если же у констебля в ордере видите вы слово “*mittimus*”, притворитесь французом, голландцем или другим иностранцем, только из страны, с которой Англия в мире — и проходите мимо бердышей. Раз они вас не понимают, то по обычаям города не имеют права требовать объяснений, а значит, им нечего вам сказать.

Если уже глубокая ночь, а квартируете вы в таком доме, где словесной артиллерией брешь не пробить, идите лучше атакуйте двери в доме вашей шлюхи, или говоря более красивым языком,

вашей милой любовницы, на чью белую грудь вы томно склонитесь и проведете остаток ночи в восхитительных, хотя и не восстанавливающих силы наслаждениях. И это все без всяких расходов, кроме четырех-пяти клятв (когда осада начинается, и когда вы маршируете прочь со всеми манатками), что всю прошлую ночь играли в кости, и проиграли столько-то золотом и серебром. И так, мол, обидно, что в числе прочего спустили две елизаветинских монеты по двадцать шиллингов или четыре «королевские шпоры», которые вам мать прислала с сыром и куском печеной говядины. Такая трагическая, но дальновидная речь не только обеспечит вам бесплатные ночные услуги, но еще можно будет наутро поесть и, уходя, занять денег под одно только честное слово джентльмена.

Всю дорогу, особенно если вам кто встретится у городских ворот, говорите только о лордах и леди, с которыми вы играли в примеро, или танцевали при дворе не далее чем сегодня — это хорошая возможность заткнуть рот не в меру любопытному ночному сторожу. Придя наконец домой (а я рекомендую снимать жилье в доме какого-нибудь богатого горожанина), со всеми прощайтесь, добавляя к имени «сэр», как будто вы ужинали с одними рыцарями, хотя в вашей компании, может, одни *perinado* да катамиты.

Вероятно, вскоре всем станет известно, что вы и ваша стая щеголей переплыли огромный винный океан, протанцевали кучу денег, и на дичь еще ушло столько-то. И если бы найти и опубликовать ваши потерянные трактирные счета, все бы вас заужавали еще больше. Опасность только в том, что если вы должны кому денег, то кредиторы наострят уши — и жди наутро стука в дверь, как пушечного выстрела. Вот ваш портной, галантерейщик, шляпник, торговец шелком, закройщик, поставщик белья, как швейцарские гвардейцы, стоят караулом около ваших апартаментов, наблюдая, как вы встаете, и невозможно избежать их — если только послать всадника налегке позвать аптекаря на помощь (а если караульщики пропустят утренний подъем, могут придти полюбоваться на то, как вы ложитесь спать в долговой тюрьме). Аптекарь, прибыв к вам на выручку с двумя-тремя склянками в руках, разгонит всю эту отчаянную шайку кредиторов по норам, как лис, сказав, что вам нужно дать слабительное. Поистине, принять лекарство — вот достаточный *quietus est* для любого джентльмена в опасности, дающий временное освобождение от всех долгов, хоть все двенадцать компаний станут, надев ливреи, со своими приставами ждать, когда вы выйдете.

Я бы мог теперь вас вытащить из дому около полудня — именно в этот час я выше предписал вам встать — и повести за собой во двор Павла, затолкать в книжную лавку и дать там инструкции, какие книги требовать, как судить о новых книгах и фыркать на старые, как заглядывать в памятные таблички и спрашивать о таких-то греческих, французских, итальянских или испанских авторах (их имена у вас в табличках есть, но мать, к сожалению, не дала вам достаточно ума, чтобы понимать их книги). Оттуда вы махом перебежите в табачную ординарию, где, как знахарь, будете рассуждать об этом таинственном чуде: что слаще, «пудинг» или «тростник», у какой трубки наилучший диаметр, какая обугливается, какая легче ломается. Или, если вам чешется идти к цирюльнику, то не хватит и целого словаря записать диалоги, которые там можно вести, коли вы настоящий знаток этого дела. Когда вас побреют, я бы вас быстро перенес в фехтовальную школу, а оттуда швырнул в танцевальную; в обеих бы вас утомил, показав вам больше трюков, чем вы увидите в пяти *галереях* или пятнадцати турнирах фехтовальщиков. А чтобы завершить это пиршество, я заставил бы кокни, которым отцы оставили неплохое наследство, признать, как бесконечно они мне обязаны: на знакомых примерах показал я им, как расточить родовое имущество и создать себе имя, когда отцы уже сгнили в могилах. Но чтобы такое преизобилие блюд не вызвало у вас пресыщения, я пожалуй, сейчас удалюсь, однако, если это вы хорошо усвоите, остальное будет для вас приготовлено в свое время. Прощайте!

FINIS.